

КОЛДОВСКОЙ МИР
ПАУТИНА КОЛДОВСКОГО МИРА
ТРОЕ ПРОТИВ КОЛДОВСКОГО МИРА
ЗАКЛИНАТЕЛЬ КОЛДОВСКОГО МИРА
ВОЛШЕБНИЦА КОЛДОВСКОГО МИРА
ГОД ЕДИНОРОГА
СКАЗАНИЯ КОЛДОВСКОГО МИРА
РОГАТЫЙ ВЕНЕЦ
ВОЛШЕБНЫЙ ПОЯС
ПРОКЛЯТИЕ ЗАРСТОРА
ТАЙНЫ КОЛДОВСКОГО МИРА
ТРОЙКА МЕЧЕЙ
БЕРЕГИСЬ ЯСТРЕБА
КОЩАЧЬИ ВРАТА
ХРУСТАЛЬНЫЙ ГРИФОН
ГРИФОН ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ
ГНЕЗДО ГРИФОНА

ПЛАНЕТА ПОВЕЛИТЕЛЯ ЗВЕРЕЙ
ЦИРК ПОВЕЛИТЕЛЯ ЗВЕРЕЙ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА

АНДРЭ НОРТОН

Волшебной
жизни

Хрустальный грифон

Санкт-Петербург

ХРУСТАЛЬНЫЙ
ГРИФОН

1

Начало приключений Керована, некогда лорда-наследника Ульмсдейла из Высшего Холлака

Яродился дважды проклятым. Прежде всего, моим отцом был Ульрик, лорд Ульмсдейла, и о нашем роде рассказывают ужасные истории. Мой дед Ульм привел свой народ в эту северную долину, разогнал морских разбойников, основавших Ульмпорт, и ограбил одно из зданий Древних, забрав оттуда сокровище. Все люди знали, что это сокровище необычное, потому что оно светилось в темноте. И после этого грабежа не только моего деда Ульма, но и всех, кто участвовал с ним в этом страшном деле, постигла ужасная болезнь, от которой большинство из них умерли.

К моменту моего рождения отец был уже немолод. До моей матери у него были две жены и дети от них. Но дети — все до единого слабые, болезненные создания — либо рождались мертвыми, либо покидали этот мир в раннем детстве. Но отец поклялся иметь наследника и поэтому предпочел мою мать своей второй жене, когда ему показалось, что наследника он не дождется.

Род моей матери тоже наложил на меня проклятие. Мать звали леди Тэфана, она была дочерью Фортала из Палтендейла, что лежит далеко на северо-западе. Кое-кто еще и сейчас опасается обитателей тех краев, ибо говорят, что, когда мои предки пришли туда, там еще обитали Древние, похожие на нас, и те, кто жил на границах, породнились с Древними, в результате чего их потомки были не совсем людьми.

Как бы то ни было, мой отец отчаянно нуждался в наследнике. У Тефаны, недавно овдовевшей, уже был прекрасный ребенок, которому шел второй год. Звали его Хлаймер. Мой отец был готов отказаться от приданого, не желал ничего слышать о смешанной крови и приветствовал леди Тефану со всеми положенными почестями. Насколько я знаю, она тоже хотела соединиться с моим отцом и даже не убоилась проклятия, которое лежало на нашем семействе из-за похищения сокровища Древних.

Я родился раньше срока и при странных обстоятельствах. Мать ехала в Святилище Гунноры, чтобы попросить ее о благополучных родах и о сыне. Но после дня пути у нее вдруг начались схватки.

В окрестностях не было никакого подходящего пристанища, к тому же надвигалась сильная буря. Поэтому пришлось укрыться в месте, которого обычно избегали люди, — в одном из тех странных и внушающих страх зданий, что остались от Древних — народа сверхъестественной Силы, владевшего долинами задолго до того, как люди пришли сюда с юга.

Это здание прекрасно сохранилось, как и все, что было построено Древними. Похоже, они использовали могущественные заклинания, чтобы скреплять каменные плиты настолько прочно, что даже время не могло поглотить их, и поэтому некоторые здания выглядят так, как будто они были покинуты только вчера. Какой цели могли служить эти сооружения, никто не мог догадаться. На внутренних стенах были видны изображения мужчин и женщин, вернее, тех, кто выглядел как мужчины и женщины.

Роды были очень трудными, жизнь матери висела на волоске. Когда я родился, все пожалели об этом: едва мать увидела меня, она вскрикнула, потеряла сознание и почти лишилась разума. Еще несколько недель после родов она была не в себе.

Я не походил на других детей. Мои ноги заканчивались не стопами, а копытами — маленькими, раздвоенными, покрытыми роговой оболочкой.

Брови мои были скошены над глазами цвета маслянистого янтаря. Таких глаз никогда не было у людей. Поэтому каждый,

взглянув на меня, тотчас понимал, что надо мной тяготеет проклятие. Но я не заболел и не умер — наоборот, рос и становился все сильнее.

Однако мать не желала меня видеть. Говорила, что демоны подменили дитя в ее чреве. Когда меня приносили, мать впадала в полубезумное состояние. Вскоре она объявила, что у нее нет детей, кроме Хлаймера и моей сестры Лисаны, родившейся через год после меня, — прекрасной малышки без единого изъяна. В ней моя мать находила утешение.

Что касается меня, то я не жил в Ульмсдейле, меня отправили к одному из лесничих. Отец, правда, навещал меня, но не знакомил ни с кем из родственников. Однако, хотя мать отреклась от меня, отец, не испытывая ко мне привязанности, пожелал, чтобы воспитание его сына было достойным.

Он дал мне имя известного воина из нашего рода — Керован. По настоянию отца меня обучали владеть оружием. Для этого отец приставил ко мне обедневшего дворянина Яго. Этот Яго долго служил моему отцу, пока не покалечился при падении с горы.

Яго был настоящим воином, мастером всех боевых искусств, которым можно обучить юношу с сильным телом и острым зрением. Владел он и более тонким искусством: повелевать людьми.

Некогда сильный и деятельный человек, получив увечье, он начал совершенно новую жизнь. Теперь он тренировал свой мозг, как раньше — тело. Он жадно поглощал новые знания о битвах, и иногда по ночам я наблюдал за тем, как он на полоске разглаженной коры терпеливо излагал факты, касающиеся прорыва осад, тактики нападений и тому подобного, яростно вгрызаясь в кору ножом, который он использовал вместо ручки, и при этом бубнил себе под нос, чтобы подчеркнуть для меня тот или иной момент.

Яго много путешествовал, а в юности плавал даже по морям с сулькарцами — опасными морскими грабителями, бывал в таких легендарных землях, как Карстен, Ализон, Эсткарп... Правда, о последней стране он говорил очень мало и казался встревоженным, когда я приставал к нему с расспросами. Сказал только, что заклинания и колдовство там так же обычны, как у нас

колосья в поле, женщины — колдуньи и держатся особняком и все живут с оглядкой, держа язык за зубами.

Было еще кое-что, что заставляет меня с благодарностью вспоминать Яго. В его глазах я, очевидно, был похож на любого другого юнца, а не на юного монстра. Поэтому, когда я был с ним, я мог забыть о своих отличиях от сверстников.

Итак, Яго учил меня искусству войны — вернее, тому, что должен был знать о войне наследник. Тогда мы еще не ведали, что такое настоящая война, называя так поединки между соперничающими лордами или сражения с бандами преступников, живущих в Пустыне. Зимой голод и холод заставляли их нападать на селения, грабить амбары, пытаться захватить теплые дома. На самом деле война куда страшнее, это вовсе не игра по заранее разработанным и тщательно соблюдаемым правилам, как те игры, которыми мы развлекались долгими зимними вечерами, передвигая взад-вперед фигурки на доске.

Если Яго учил меня искусству войны, то Мудрый Ривал показал мне, что существуют и другие жизненные пути. У нас всегда считалось, что только женщина может постичь искусство исцеления тела и духа. Поэтому Ривал казался всем таким же странным, как и я. Обуреваемый жаждой знаний, он исходил все окрестности и даже побывал в Пустыне, а возвращался с огромным мешком за плечами, которому позавидовал бы любой странствующий торговец.

Он был родственником Главного лесничего и поэтому мог свободно бродить по лесам. Люди с опаской относились к Ривалу, но, когда заболело животное или человек мучился от неведомой болезни, всегда звали именно его.

Ривал прекрасно изучил свойства трав, в том числе тех, о которых знал только он. Почти каждый фермер, желающий получить хороший урожай, звал его к себе на поле и просил совета. Причем дело не ограничивалось растениями. Птицы и животные, которые были ранены или больны, прилетали и приходили к нему по собственной воле. Или он бережно относил их к себе и ухаживал за ними, пока они снова не могли сами о себе позаботиться.

Понятно, почему люди старались держаться подальше от целителя. К тому же все хорошо знали, что он посещает земли Древних, пытается постигнуть их тайны, которые навевали на окружающих панический ужас. Меня же, напротив, влекло к Ривалу.

Я был как все дети: хорошо слышал то, что тайком говорят обо мне. Слышал рассказы о моем рождении, о проклятии, которое лежит на роде Ульма, слышал, что в роду моей матери течет кровь чужой расы. Доказательств долго искать не приходилось. Достаточно было посмотреться в отполированный щит Яго, чтобы увидеть свой облик — странный, необычный.

Я как-то пошел к Ривалу, внешне гордый и независимый, но с тайным трепетом в душе. Целитель стоял на коленях перед растением с длинными острыми листьями, похожими на копыта, и даже не взглянул на меня, но заговорил так, как будто мы целое утро провели вместе:

— Мудрые женщины называют это растение «язык дракона». — Голос у него был мягкий, слегка вибрирующий. — Великолепно залечивает раны, словно языком зализывает. Посмотрим, посмотрим... Но ты ведь пришел не для того, чтобы спросить о растениях, да, Керован?

— Да. Люди говорят, что ты многое знаешь о Древних.

Он сел на пятки и взглянул мне в глаза:

— Не очень. Мы можем смотреть, щупать, изучать, но их Сила... Она недоступна для наших сетей и ловушек. Остается лишь пробовать тут и там, вдруг что получится. Они знали намного больше нас. Мы даже не знаем, почему они почти исчезли из Высшего Холлака, когда прибыли первые из наших предков. Мы не вытесняли их — нет, их крепости и храмы, их Места Силы уже были пусты. Кое-где — да, некоторые задержались. И они все еще могут находиться в Пустыне и за пределами Пустыни, на той земле, куда мы не вошли. Но самое главное — они ушли, возможно, задолго до того, как появились люди, какими мы их знаем. И все же — искать то, что все еще может находиться здесь, — этого достаточно, чтобы заполнить всю жизнь и все же не найти и десятой доли десятой его части!

На его загорелом лице я видел то же самое оживление, что и у Яго, когда тот показывал хитроумный выпад мечом или объяснял, как устроить засаду. Ривал испытующе посмотрел на меня:

— Зачем тебе знать о Древних?

— Хочу выяснить, почему я не такой, как все...

Я замолчал. Гордость не позволила мне повторить вслух то, что я слышал от других.

Ривал кивнул:

— Знаний должен добиваться каждый человек, а знаний о себе — тем более. Но я не могу их тебе дать. Идем.

Он поднялся и пошел к своей хижине легким шагом лесного жителя. Не задавая вопросов, я двинулся следом. Так мы добрались до сказочного дома Ривала.

Я замер на пороге, не в силах пошевелиться. Никогда я не видел столько необычных вещей, каждая из которых притягивала мой взор. В корзинах и в гнездах сидели звери и птицы, смотревшие на меня яркими глазами. Они, казалось, чувствовали себя в безопасности и не собирались прятаться. На стенах было множество полок из грубо отесанных, едва отшлифованных досок, и все они были забиты глиняными горшками, пучками трав и корней; были тут и черепки, по всей видимости собранные в строениях Древних.

Хотя неподалеку от очага стояли кровать и два стула, комната явно была нежилой, скорее служила хранилищем. Ривал, оперев кулаки в бедра, вертел головой из стороны в сторону, как будто пытался разглядеть что-то особенное среди множества предметов. В воздухе стояла причудливая смесь тысячи запахов. Аромат трав смешивался с мускусным запахом зверей, а также пищи, варившейся в котелке над огнем. И все же это ни в коей мере не был нечистый или отвратительный запах.

— Ты ищешь Древних — тогда взгляни сюда! — Ривал указал на одну из множества полок.

Я пробрался между двумя корзинами с мохнатыми зверюшками и, подойдя поближе, увидел россыпь каких-то камушков и несколько фигурок, склеенных из обломков.

Может, среди Древних в самом деле жили такие существа, если только они не были плодом воображения скульптора. Но в том, что в них была своя красота, даже когда они выглядели гротескно, я мог убедиться сам.

Одна фигурка изображала крылатую женщину (к сожалению, без головы), другая — мужчину самого обыкновенного вида, за исключением того, что с его лба свисали два изогнутых рога. И все же лицо его было благородным и безмятежным, как будто он был Великим лордом по праву своего духа. Была фигурка с перепончатыми руками и ногами — видимо, обитатель морских глубин. Рядом стояла маленькая статуэтка женщины с такими длинными волосами, что они покрывали ее всю, как плащ. Эти фигурки Ривал постарался восстановить хотя бы частично. Еще были фрагменты утраченных скульптур: голова в короне, но без носа и с пустыми глазницами, тонкая рука с кольцами на пальцах... И рука, и кольца были сделаны из одного и того же неизвестного мне материала.

Чем дольше я смотрел, тем сильнее разгоралось во мне желание побольше узнать об этом народе. Я понимал теперь сжигающую Ривала страсть поисков, его терпеливые попытки восстановить разбитые фигурки, чтобы воочию увидеть создания Древних.

Ривал тоже стал моим учителем. Я ходил с ним по местам, которых избегали другие люди. Мы искали, размышляли, делали предположения, надеясь, что когда-нибудь обнаружим ключ к прошлому или хотя бы намек на него.

Раз в месяц приезжал отец. Когда мне исполнилось десять лет, он наконец обратился ко мне серьезно. Его что-то мучило. Он был угрюм и, вероятно, хотел сообщить нечто важное.

— Ты мой единственный сын, — начал отец. Было видно, что он с трудом подбирает слова. — И ты полноправный наследник моего трона в Ульмсдейле.

— Многие считают иначе, — сказал я без вопросительной интонации, будто констатируя факт.

Отец нахмурился:

— Тебе кто-нибудь говорил об этом?

— Я и сам знаю.

Он еще больше посуровел:

— Ты пришел к правильному выводу. Я взял Хлаймера под свое покровительство, так как его мать — леди Ульмсдейла. Но он не имеет права быть поднятым на щите к трону после моей смерти. Трон принадлежит тебе. Однако меня склоняют к тому, чтобы Лисана обручилась с Роджером, твоим кузеном.

Я сразу понял, что он хочет сказать, и без колебаний спросил:

— И Роджер, как муж твоей дочери, унаследует Ульмсдейл?

Рука отца стиснула рукоять меча. Он поднялся и стал расхаживать взад-вперед, твердо ставя ноги на землю, словно готовясь к отражению атаки.

— Хотя это противоречит законам, все вокруг жужжат и жужжат день и ночь, так что я почти оглох в собственном доме.

Я понял, что «все» — это моя мать, которая не считает меня своим сыном. Но я промолчал.

— Поэтому я хочу женить тебя, Керован. По этой свадьбе, свадьбе наследника, люди поймут, что я полностью признаю твои права. Через десять дней Нолон поедет в Иткрипт. Там есть очень красивая девушка по имени Джойсан, она младше тебя на два года, что вполне уместно. После женитьбы уже никто не посмеет отодвинуть тебя от престола — хотя твоя жена не придет до года Огненного Троля.

Я быстро прикинул в уме — восемь лет. Это хорошо. Свадьба не имела для меня большого значения, хотя отец считал ее делом особой важности. Интересно (впрочем, отца спросить я не отважился), скажут ли девушке или ее родственникам, кого прочат ей в мужья? Но мальчику моих лет тот роковой день казался очень далеким, и, возможно, думал я, что-то может помешать и этого никогда не случится. Я не был уверен, что Нолон намеревался сыграть мою роль в браке топора, потому что он выехал из Ульмскипа, когда меня там не было.

Через два месяца приехал отец, уже не такой несчастный и озабоченный, как раньше. Он сказал, что Нолон вернулся и я обручен с девушкой, которую я никогда не видел и, вероятно, не увижу еще по крайней мере восемь лет. Так что пока меня не слишком заботил тот факт, что у меня была жена.

Дни шли за днями. Все больше времени я проводил с Ривалом в поисках тайн Древних. Яго, которому я был поручен, не возражал против моих походов с Ривалом. Они давно дружили, несмотря на то что разительно отличались друг от друга — как мыслями, так и поступками.

Вскоре наставник уже не мог противостоять мне в поединке на мечах и топорах, оставаясь непревзойденным только в стрельбе из лука. Он продолжал чертить карты, разрабатывать планы сражений. И хотя я не видел в этих занятиях особой пользы, я не хотел обижать старика и внимательно выслушивал его рассуждения. Впоследствии полученные знания не раз меня спасали.

А вот Ривал, казалось, совсем не старился. Так же как и раньше, он без усталости ходил по лесам, с удивительной легкостью преодолевая большие расстояния. Я, к сожалению, не сумел в полной мере постичь искусство лекаря, зато познал мир птиц и животных, перестал охотиться ради развлечения и находил удовольствие в том, что дикие звери меня не боятся.

Но самое приятное заключалось в посещении замков Древних. Ривал проникал в своих походах все дальше и дальше в Пустыню. Самым большим его желанием было найти какие-нибудь книги или свитки.

Я считал, что их вряд ли удастся прочесть, ведь никто не знал языка Древних. Ривал соглашался, однако в душе был уверен в успехе: стоит только найти книги, а уж он-то сумеет в них разобраться.

Я женился в год Плюющей Жабы. По мере того как я приближался к зрелости, мысль об этой далекой леди начала время от времени странно беспокоить меня.

В доме лесничего были два мальчика моих лет. Мы так и не стали друзьями. Не только происхождение разделяло нас, я и сам старался не сближаться с ними. Моя нечеловеческая внешность не позволяла мне приобрести друзей. Я подарил свою дружбу лишь двоим — Яго, который годился мне в отцы, и Ривалу. Он мог бы быть моим старшим братом, и порой мне этого очень хотелось!.. Но эти парнишки уже ходили на осеннюю ярмарку с ленточками, привязанными к верхним застеж-

кам курток, а потом, хихикая, шептались о приключениях, к которым это их привело. Это зародило в моей душе первое сильное предчувствие, что, когда наконец придет время лично предъявить права на леди Джойсан, она может увидеть меня таким же монстром, каким видит меня моя мать. И чем ближе я подходил к порогу мужества, тем чаще думал о том, что произойдет, когда моя жена приедет в Ульмсдейл и я должен буду поехать, чтобы остаться с ней. Что, если она отвернется от меня с неприкрытой ненавистью, как моя мать...

По ночам мне снились кошмары, и Ривал наконец с сочувствием спросил, что со мной происходит.

Я поведал ему правду о своих сомнениях, в надежде, что он успокоит меня, скажет, что я вижу чудовищ там, где их нет.

Однако Ривал не стал меня успокаивать. Он долго молчал, глядя на руки, которые только что пытались восстановить разбитую фигурку, а теперь покоились на столе.

— Мы всегда говорили друг другу правду, Керован, мой единственный спутник. Разве я могу обещать, что приведу тебя к счастью?.. Когда-то я тоже ждал свадьбы. Но я тоже не похож на других — не внешне, как ты, а своими привычками, мыслями. И это отпугнуло ту, с которой я должен был разделить Чашу и Пламя.

— И ты никогда не был женат?! — воскликнул я.

— Нет. Зато в моей жизни есть другое!

— Что же?

— Это! — И он раскинул руки, как бы обнимая все, что находилось в доме.

— Значит, со мною произойдет то же самое... — промолвил я.

Я был обручен, так как этого требовали обычаи и воля моего отца. То, что я слышал о браках, заключающихся лордами, не обещало мне счастья. Наследники женились, чтобы увеличить свои поместья за счет приданого невест, чтобы продолжить линию рода. Если впоследствии появлялись любовь и уважение, то в дом приходило счастье. Но так бывало редко.

— Поговорим о другом, — тактично предложил Ривал. — Есть одно дело, о котором я давно думаю.

— Пойти по дороге!

Я вскочил на ноги, намереваясь тут же отправиться в путь, чтобы открыть тайну. Эта дорога действительно была загадочной.

Мы набрали на нее во время скитаний по Пустыне. Привычные нам дороги представляли собой всего лишь протоптанные кривые тропы, пригодные только для передвижения верхом. Дорога же, на которую мы наткнулись, была вымощена тщательно подогнанными каменными плитами. Ничто не указывало на ее предназначение. Дорога начиналась примерно в половине дня пути от дома Ривала и вела вглубь Пустыни — широкая, прямая, местами засыпанная желтым песком. Дойти до ее конца было нашим давним желанием.

То, что мы решились на путешествие, полностью вытеснило у меня из головы мысли о жене. Джойсан была для меня всего лишь именем, пустым звуком, встреча наша была еще так далека! Путешествие же должно начаться немедленно.

Я ни перед кем не отчитывался в своих действиях, кроме Яго. А он в это время года ездил в Ульмсдейл, чтобы встретиться с товарищами по оружию и доложить отцу, как здесь обстоят дела. Поэтому я был полностью свободен и мог делать что хочу.

А хотел я сейчас только одного: поскорее двинуться в путь по таинственной дороге.

2

Начало приключений Джойсан, девы из Иткрипта, в Итдейле, Высший Холлак

Я, Джойсан из Иткрипта, вышла замуж во время сбора урожая в год Плюющей Жабы.

Вообще-то, этот год считался неподходящим для новых начинаний, и потому мой дядя, лорд Кьярт, обратился за советом к даме Лорлиас из аббатства Норстед. Она настолько хорошо понимала язык звезд, что к ней приезжали за помощью из дальних краев. Прорицательница обратилась к звездам и сказала, что

брак совершенно необходим для моего счастья. Свадьба меня мало беспокоила, но связанные с ней долгие церемонии были настолько утомительными, что я чуть не плакала.

Восьмилетнему ребенку невозможно вникнуть в думы и тревоги, владеющие взрослыми людьми. Обручение мне виделось ярким, пышным действием; одного я не могла понять — своей роли.

Я помню свой наряд, расшитый узорами из золотой нити и пресноводного жемчуга (которым по праву славятся ручьи Итдейла). Однако все мое внимание было занято тем, чтобы выполнить суровый приказ госпожи Мэт: не запачкать и не помять мой наряд. Платье было голубое, хотя мне никогда не нравился этот цвет. Я больше любила цвета, богатые оттенками, например цвет осенних листьев. Но голубой — это цвет невесты, и я была вынуждена следовать обычаям.

Мой жених не приехал и не выпил со мной Чашу Жизни, не зажег свечу Дома. На его месте сидел человек такой же суровый, как и мой дядя. Мне запомнился ужасный шрам на его руке: я очень испугалась, когда во время церемонии он взял меня за руку. В другой руке он держал огромный боевой топор, символизирующий моего настоящего жениха. Правда, жениху нужно было прожить еще по крайней мере лет шесть, прежде чем он смог бы оторвать такой топор от земли.

— Лорд Керован и леди Джойсан! — прокричали гости и обнажили ножи. Лезвия засверкали в свете факелов.

Гости поклялись доказывать в будущем законность этого обручения даже с помощью оружия. От страшного шума у меня заболела голова, возбуждение прошло, и я как во сне дожидаясь конца празднества. Старый лорд Нолон, представляющий на свадьбе жениха, ел со мной из одного блюда. Он то и дело спрашивал, какое из блюд я желаю отведать, а я настолько его боялась, что не могла вымолвить ни слова. Его вкус в выборе блюд совершенно не совпадал с моим. Желудок отчаянно протестовал против такого насилия, и накатывала тошнота.

Много позже женщины уложили меня в одной сорочке на громадную кровать с балдахином. Мужчины во главе с дядей принесли этот ужасный топор и положили его рядом со мной,